

зрѣлыхъ произведеніяхъ Пушкина «итѣ ли единой фальшивой ноты». Вотъ съ этого самопроверженія слѣдовало начать да имъ же и кончить. Если бы Вересаевъ надъ нимъ задумался, не написалъ бы онъ книги о «двухъ планахъ», въ которыхъ будто вполне обособленно протекала жизнь и поэзія Пушкина. Совсѣмъ иначе составилъ бы онъ и извѣстную свою книгу «Пушкинъ въ жизни», въ которой собраны всевозможныя свѣдѣнія о Пушкинѣ, порой завѣдомо издольныя и ложныя (самъ Вересаевъ отмѣчаетъ ихъ звѣздочкой) — но принципиально исключены всѣ прямыя поэтическія показанія Пушкина. Вересаевъ готовъ прислушаться къ кому угодно, будь то первый попавшійся враль или глупецъ, — только не къ Пушкину, только не къ поэту. Причина этого лежитъ, конечно, очень глубоко: она коренится во взглядѣ Вересаева на природу и смыслъ поэзіи, т. е. уже въ основахъ его мировоззрѣнія. Тутъ ужъ мы съ нимъ стоимъ по двумъ сторонамъ рубежа, неизмѣримо болѣе глубокаго, чѣмъ разномыслія пушкиновѣдѣнія.

Вл. Ходасевичъ.

La vie de Bakounine, par Hélène Iswolsky, Paris, 1980.

Съ точки зрѣнія сообщаемыхъ фактовъ, книга г-жи Е. Извольской не даетъ ничего новаго по сравненію съ тѣмъ, что за послѣднее время было писано о М. А. Бакунинѣ. Тѣмъ не менѣе цѣнность ея, по моему взгляду, весьма значительна. О Бакунинѣ писали преимущественно, если не единомысленники, то, во всякомъ случаѣ, люди, дѣвшіе въ немъ «дѣятеля», «революціонера». Къ Бакунину-человѣку они подходили, такъ сказать, извъ. Между тѣмъ именно Бакунинъ-человѣкъ представляетъ исключительный интересъ, какъ культурно-историческое явленіе, какъ особая — и повидимому *необходимая* — разновидность русскаго «человѣка сороковыхъ годовъ», какъ живое воплощеніе одной изъ тѣхъ «возможностей» того времени, которую Достоевскій стремился выразить отчасти въ Ставрогинѣ, отчасти въ Версиловѣ, — хотя и нельзя сказать, чтобы Бакунинъ дѣйствительно послужилъ «прототипомъ» для кого-либо изъ героев Достоевскаго. Г-жа Е. Извольская принадлежитъ сама, по своему происхожденію, къ той социальной средѣ, изъ которой вышелъ М. А. Бакунинъ, и ея, прекрасная по общей вѣрности тона, по тонкости сочувственнаго пониманія (однако, безъ тѣни апологетичности), книга отражаетъ въ себѣ живую, до сихъ поръ еще не оборвавшуюся, традицію о человѣкѣ и о моментѣ, о которыхъ она пишетъ. Въ частности превосходно изображена единственная въ своемъ родѣ, по напряженности идеализма, парижская въ ней, атмосфера Премухина, которой, можно сказать, дышалъ М. А. Бакунинъ, гдѣ бы онъ ни жилъ (это также очень тонко подмѣчено авторомъ), — не зирая на свою «измѣну» премухинскому міру и «премухинскому міросозерцанію». Toutes proportions gardées, книга г-жи Е. Извольской примыкаетъ къ тому, что было писано о Бакунинѣ людьми, кровно и плотски связанными съ тою же средою «дворянскаго гнѣзда» — Герценомъ и Тургеневымъ.

Перечислять въ отдѣльности все то, что авторомъ удачно и проникновенно увидѣно и угадано въ Бакунина, — значило-бы пересказать всю книгу. Надо признать, однако, что впечатлѣніе подчасъ ослабляется и затемняется отъ того, что русскому автору, писавшему по французски, не всегда удалось избѣжать тѣхъ неслучайныхъ штамповъ, безъ которыхъ не обходится иностранцы — особенно французы — когда пишутъ о русскихъ: «Ce Slave», «face de kalmuk» (ничего «калмыцкаго» нѣтъ въ чертахъ Бакунина) и т. п. Есть нѣкоторыя неточности. Навель Александровичъ Бакунинъ въ тюрьмѣ за «событія въ Твери» не сидѣлъ. Отношеніе между правымъ гегельянствомъ и лѣвымъ не то-же самое, что и отношеніе между теизмомъ и «экзотерическимъ» и «эзотерическимъ» — какъ это кажется автору. Непонятно, почему авторъ называетъ Анну Григорьевну Достоевскую «madame Aimée Dostoiewsky». Философская эрудиція Бакунина, который, какъ извѣстно, дальше введенія въ феноменологию въ своемъ чтеніи Гегеля не пошелъ, авторомъ (*passim*), несомнѣнно, сильно преувеличена.

П. Бицилли.

М. К. Любавскій. Образование основной государственной территории великорусской народности. Москва, 1930.

Новая книга проф. М. К. Любавскаго, представляющая собою большой компактный томъ, должна быть признана капитальнымъ приобрѣтеніемъ русской научно-исторической литературы. Въ формѣ детальнѣйшаго изслѣдованія здѣсь данъ обстоятельный отвѣтъ на вопросъ: какъ сложилась территория Московскаго государства, обнявшаго своими предѣлами всю ту часть восточно-европейской равнины, на которой расселилась великорусская народность. Нѣкогда Кустомаровъ приписывалъ рѣшающее значеніе въ процессѣ политическаго объединенія Великороссіи татарскому игу и говорилъ, что власть золотоордынскаго хана послужила обручемъ, связавшимъ во-едино отдѣльныя части Великороссіи. Въ противоположность этому воззрѣнію Соловьевъ утверждалъ, что татарское иго сыграло въ этомъ процессѣ лишь второстепенную, подсобную роль, основными же направляющими факторами этого процесса послужили внутреннія условія и отношенія, которыя привели бы къ тому же результату и безъ татарскаго ига. И Соловьевъ далъ общую схему «Собиранія Руси Москвою», придавъ наибольшее значеніе въ ходѣ объединенія процессамъ народно-колониационнымъ, связаннымъ съ условіями географическими, отношеніямъ хозяйственнымъ, росту національнаго сознанія и потребностямъ военной самообороны. Схему Соловьева развилъ и детализировалъ въ своемъ курсѣ Ключевскій со свойственнымъ ему блескомъ.

Затѣмъ Прѣсняковъ въ своей книгѣ «Образованіе великорусскаго государства» выступилъ съ новой постановкой вопроса. Онъ старается представить ходъ объединенія Великороссіи не въ видѣ органи-